

ГОЛЯКОВ А. Н.

ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ ЭРЗЯНСКОЙ ОДЕЖДЫ

В РОМАНЕ К. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЗЯ»

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления творческих исканий К. Г. Абрамова в романе «Степан Эрзя». Автор акцентирует внимание на воссоздание писателем в произведении «фона времени» и «фона пространства», являющихся объективными ориентирами для отображения национального своеобразия, в частности, специфичности эрзянской одежды женских персонажей.

Ключевые слова: атмосфера, героиня, головной убор, женский костюм, персонаж, своеобразие, творчество.

GOLYAKOV A. N.

REPRESENTING THE SPECIFICS OF ERZIAN CLOTHES

IN THE NOVEL "STEPAN ERZYA" BY K. ABRAMOV

Abstract. The article attempts at interpreting the creative explorations of K. G. Abramov in his novel "Stepan Erzya". The author focuses on the writer's construction of time background and space background in the novel. These are the reference points used for national identity representation, in particular, the specifics of Erzya female characters' clothes.

Keywords: atmosphere, heroine, head-dress, female costume, character, originality, creative work.

В ноябре 2016 года все мировое сообщество отмечает юбилейную дату – 140-летие со дня рождения великого скульптора Степана Дмитриевича Нефедова – Эрзи. Имя гениального скульптора, прежде всего, увековечили его работы. Известный мордовский писатель К. Г. Абрамов в своем произведении – биографическом романе-трилогии «Степан Эрзя» – реалистически отобразил жизненный путь и творчество эрзянского самородка. В произведении о Мастере писатель выписывает все грани бытия главного героя – художника; объективно вырисовывает искания, творческие удачи и неудачи, обстоятельства и коллизии жизненного пути. Причем, своеобразие романиста в том, что все происходящее в жизни Степана Нефедова К. Абрамов пропускает сквозь призму собственного восприятия действительности: автор безгранично предан своему герою, любит его, восхищается действиями и поступками. Произведение пронизано ощущением причастности Степана к родному краю, его любовью к эрзянской культуре.

Важнейшей спецификой произведения Кузьмы Абрамова «Степан Эрзя» можно по праву считать отражение национального бытового колорита эрзян, феномен осмысления

которого является ключом к еще большему пониманию творчества Эрзи. Художественный реализм повествования достигается К. Абрамовым за счет обращения писателя к следующей этнической константе – эрзянской одежде, чему мастер слова также придает огромное значение.

Прежде, чем исследовать авторское видение национальной одежды в историко-биографическом романе, необходимо сделать небольшой исторический экскурс в этимологию одежды мордовских женщин. Так, исследователями-этнографами доказано, что традиционный мордовский костюм, в особенности, женский, сохранял свои особенности до 20-30-х годов XX века. А у некоторых групп мордвы он и сегодня функционирует во время обрядов и праздников. Комплекс одежды включал нательную и верхнюю легкую одежду, набор теплой межсезонной и зимней одежды, составной частью в костюм входили различные съемные детали и украшения.

Традиционная мордовская одежда развивалась по двум направлениям, соответствующим культуре мокши и эрзи. Но при всем своеобразии одежды отдельных групп мордвы, она имеет много общих черт: белый льняной или посконный (изготовленный из конопли) холст как основной материал одежды, туникообразный (прямой) покрой рубахи и верхней белой распашной одежды, отделка одежды плотной вышивкой преимущественно из шерсти красного и черного или темно-синего цветов, своеобразные украшения из металла, монет, бисера и раковин, плетеная из лыка обувь, ременные оборы, сапоги со сборами, а также обычай обертывать ноги онучами, чтобы они были ровными и толстыми.

Национальный женский костюм мордвы очень самобытен и красочен. Будучи в основе своей единым, он подразделяется, прежде всего, на эрзянский и мокшанский подтипы, которые, в свою очередь, включают не менее полутора десятка разновидностей. Расцветка мордовской вышивки включает черный цвет с синим оттенком и темно-красный как основные тона, желтый и зеленый для расцвечивания узора. Женскую рубашку носили с поясом или специальным сложным набедренным украшением (пулай, пулагай, пулакш). Первый раз девушки надевали его в день совершеннолетия, после чего он считался обязательным элементом женского костюма вплоть до глубокой старости. Особенно богато украшался раковинами каури, цепочками, медными пуговицами, бляшками из разноцветного бисера праздничный пулай. Встречающийся только у эрзи, пулай, видимо, являлся реликтом какой-то чрезвычайно архаичной формы женской поясной одежды, превратившейся позднее в украшение.

Декоративным центром нагрудных украшений является застёжка, которая закалывает ворот рубахи (сюлгам, сюлгамо). Грудь украшается также бусами, гайтаном из серебряных монет и бисера, а также сложным нагрудником кргань-пирьф (у мокши). К бисерному

нагруднику прикрепляется сетка из мелких разноцветных бусин, шерстяных кисточек и монет, более крупные из которых располагаются ближе к шее, а мелкие – на периферийной части украшения.

Украшениями служили серьги, браслеты, перстни, кольца, которые изготавливались из меди и ее сплавов, реже – из золота и его сплавов, из сплава золота с серебром. Кроме того, для эрзянок типичны были высокие головные уборы на твердой основе с длинной, спускавшейся на спину лопастью из холста, вышитой и украшенной блестками, а для мокшанок – двурогие головные уборы, тюрбанообразные повязки. На уши женщины надевали серьги с подвеской – серебряной монетой, бусинкой или в виде шариков из гусяного пуха.

Кожаные сапожки мордовок имели острые носы, верх их обшивался красным сафьяном. Повседневной обувью служили, как правило, лыковые лапти. Мокшанки носят и теперь полосатые наколенники с геометрическим орнаментом, вязанные из шерсти.

Традиционный костюм сохранился в настоящее время в разной степени у мокши и эрзи. Но, если мокшанки еще довольно часто надевают его, то эрзянки наряжаются в него гораздо реже, лишь по тем или иным праздникам, либо на концерты художественной самодеятельности. Свахи надевают его на свадьбу, а некоторые пожилые женщины берегут в качестве помертвой одежды. Кстати, элементы мордовского народного костюма продолжают сохраняться и развиваться в творчестве мордовских модельеров в Институте национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва.

Писателю особенно приятна тема национального убранства одежды. С большой любовью и нежностью он описывает женские персонажи. К. Абрамов боготворит эрзянскую женщину – женщину-мать, женщину-сестру, женщину-жену, женщину-первую любовь. Очарование, нежность, сострадание, жалость, любовь – все это сопряжено у автора с отображением женщины. Манеру письма романиста в данном контексте можно сравнить с дифирамбами эрзянке.

Марья Нефедова – одна из центральных героинь – в произведении является обобщающим образом. К. Абрамов вложил в нее все лучшее, что присуще мордовской женщине. Автор вводит Марию в такие социальные перипетии, неординарные ситуации, в которых выкристаллизывает ее душевные и физические характеристики: красоту, степенность, ум, рассудительность, женственность, трудолюбие, храбрость. Причем, на протяжении всей трилогии читатель «не видит» лица женщины, но «видит» четко ее образ через одежду, поступки и действия. Мастерство романиста заключается в том, что образ раскрывается не непосредственно, но опосредованно, через обстоятельства, случаи, коллизии, голос, одежду, язык, труд. И, конечно же, рисуя образ героини, автор прежде всего

акцентирует внимание на самобытности национального одеяния. Писатель как бы любит косами, берестяными заколками, пулями, кокошниками, применяя гоголевскую манеру повествования – скрупулезность. К примеру: «Голос у Марьи чистый, грудной. Ее темные длинные косы пропущены через берестяную коробочку, прилаженную на голове, и собраны сзади не шее. Поверх этого замысловатого убора, образуя своеобразный кокошник. Подвязан платок из тонкого льняного холста, вышиты разноцветными нитками и отороченный светлым мелким бисером» ...» [1, с. 13-14].

В романе «Степан Эрзя» практически нет вымышленных персонажей. Да, это и объяснимо, поскольку произведение носит историко-биографическую направленность. Казалось бы, художественный роман без вымысла, без авторской фантазии – блеклое, нечитабельное, скучное произведение. Но роман-трилогия наполнен такими красками национального колорита, автор так мастерски воссоздает реальную атмосферу с помощью документальных приемов и методов отображения (исторические экскурсы, познания этнографии, истории родного края, личные наблюдения, опросы и пр.), что перед читателем встает яркая, прекрасная действительность, интересная своей самобытной атмосферой. Писатель с воодушевлением акцентирует внимание на одежде своих персонажей, что становится ясно – женская одежда описательно доминирует над мужской. Характерно, что отражая самобытность женских образов, автор акцентирует свое внимание не на физиологических особенностях персонажа – цвет глаз, цвет кожи, брови, ресницы, грудь, ноги, руки, как это обычно делают другие романисты, – художественной реалистичности автор добивается натуралистически, за счет добавочных средств, «оттеночных» характеристик героев: одежда, обувь, головные уборы, лапти, портянки и пр.

Кузьма Абрамов (впрочем, как и С. Эрзя) очень любит своих героинь, которые все являются позитивными персонажами. С любовью характеризует он облик Марьи, матери С. Нефедова: «...Рубашка у Марьи длинная, белая и тоже с вышивкой на груди, рукавах и по подолу. Холщевые портянки наверху до колен и заправлены тонкими оборками аккуратных лаптей из желтого лыка. Она нарядилась так в поле, на жатву...» [1, с. 10]. Автор подчеркивает ее собранность, аккуратность, скромность. Одежда всегда в контенте романа сопряжена с традициями гостеприимства: Гости встречали почетно: женщина обязательно должна встречать каждого, кто зашел в избу с пулаем – элемент одежды, который женщины носили на поясице. Кроме того, без пулая мордовские женщины не должны показываться на улице при посторонних. Женщины даже в поле работали в пулаях, чтобы никто их не осудил. Так, Марья, когда жала ряды в снопы в поле ... «Поясица под пулаем и вся спина у нее взмокли, рубаха прилипла к телу... Все тело разломила, тянет этот пулай к земле, силушки моей нет...» [1, с. 13-14]. Перед читателем предстает работающая, интересная, умная,

несколько суровая женщина-эрзянка. Ее костюм свидетельствует о том, что родом она из самой гущи эрзянского рода; она свято чтит культуру, традиции, потомственные действия своей нации.

Проблема национального колорита одежды эрзян тесно сопряжена в романе с вопросами деятельности народного ткачества. Художник слова не единожды трактует одеяние как один из элементов народного творчества. Следующий фрагмент свидетельствует о том, что художник слова не только прекрасно разбирается в особенностях национальной одежды, но этимологию мордовских костюмов, замечательно ориентируется в технологиях их изготовления: «...Пришла Ольга Савкина, крестная Степана. ... принесла с собой холст и разноцветные нитки, ... сняла овчинную шубу со сборками на поясице. Рубаха на ней, как и на Фиме, длинная, из синей домотканой материи, пояс из черных шерстяных нитей с бисером и кистями. Девочки все до зрелого возраста носят такие рубахи. В белое они одеваются, когда наступит время выходить замуж, тогда же начинают носить пулаи. Вышивать их учат с малых лет. До выхода замуж они вышивают для себя, потом – для своих детей. Эрзянская женщина вышивает всю жизнь. Вся ее одежда – рубахи, руци, передник и головные платки – обязательно вышиты. Кроме того, требуется вышивать и мужнины рубахи, полотенца, скатерти. Заботливая мать и на ребенка не наденет невышитую рубаху» [1, с. 51].

К. Абрамов прекрасно разбирается в женской национальной одежде, он описывает как одежду молодых девушек, также будничную одежду женщин солидного возраста. Читатель «видит» одеяния женщин в праздники, на Пасху: «...На молодых женщинах поверх вышитых рубах надеты красные шелковые или сатиновые, смотря по достатку, рукава. Пулаи их звенят серебряными монетами и бляшками, передники сверкают всеми цветами радуги. На кокошниках у многих подвязаны платки фабричного производства – красные, зеленые или желтые. Эрзянки любят яркие цвета. Девушки не носят кокошников, они сплетают волосы в одну косу, свисающую вдоль спины. В косу вплетают разноцветные шелковые или сатиновые ленты. У многих девушек поверх платков на головах надеты венки из бумажных цветов» [1, с. 112]. Опытным глазом прозаик проникает во все тайные уголки женского внешнего вида. Автор описывает мать Марьи, одетую по случаю Пасхи: «Мать одета по-праздничному – поверх белой вышитой рубахи синие рукава. Большой пулай ее сверкал бисером и звенел монистами» [1, с. 119]. Или, интересно романист показывает ассимилированную мордовскую одежду. Когда по прошествии времени семья Нефедовых переехала в Алатырь, к старшему брату Степана, Степан увидел маму и не узнал ее после долгой разлуки: «...мать, точно обезумев от счастья, бросилась ему на грудь. ...На ней не было ни пулая, ни кокошника, с которыми она не расставалась в Баевке, волосы на голове у

нее убраны по-русски, длинный темный сарафан...» [1, с. 495]. Динамика повествования открывает нам не только хронологический обзор повествования, но и процессы исторической ассимиляции этнической одежды русскими элементами. Национальный колорит романа-трилогии имеет бесчисленное множество этнокультурных оттенков, на которых заостряет свое внимание автор.

Таким образом, в историко-биографическом романе-трилогии Кузьмы Григорьевича Абрамова отражается не только «народный дух эпохи», политические и общественные коллизии, но автор не может в произведении обойтись, прежде всего, без создания этнокультурного облика нации на определенном хронологическом отрезке времени; в данном случае национальный облик эрзянского народа связан с одеждой абрамовских персонажей. Национальное своеобразие, мироощущение людей, эстетические и нравственно-этические нормы, заложенные традициями, культурой, мифопоэтикой, религиозными верованиями, проецирующимися на восприятие сквозь призму категории «народ», являются, в свою очередь, для писателя основой концепции мира и человека в данном романе – ярком свидетельстве национальной литературы.

Так, в статье «Несколько слов о Пушкине» Н. В. Гоголь, говоря о национальной специфике, формулирует: «...истинная народность состоит ... в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него *глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами*» (выделено автором) [3, с. 261]. Как можно заметить, речь идет об особом художественном видении мастеров пера. «Дух народа» определяет точку зрения автора литературного произведения, однако сам *вектор* видения может быть *тем или другим*; глубинный «образ мыслей и чувствований» не поддается внешней унификации и, очевидно, не может быть описан без остатка, как не может быть вполне рационализирован и, так сказать, каталогизирован сам «дух народа».

Как бы вторя великому писателю, Н. А. Бердяев, рассуждая о данной проблеме, утверждает, что культура, как и литература, не может быть «отвлеченно-человеческой», она «всегда... национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности» [2, с. 88]. Кроме того, ученый подчеркивает, что социальные, политические, экономические катаклизмы ускоряют трансформационные процессы. Интересно то, что, что философ подчеркивает важность географического фактора. Историческая родина, которая характеризуется географической экологией, отличает «нас» от «не нас» в географическом отношении. Н. Бердяев обращает внимание на природу, ландшафт, в которых формируется этничность, социальные характеристики национального

сознания. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью ... земли и ... души, между географией физической и географией душевной. В душе ... народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность бесконечность...» [2, с. 281-282]. Подтверждение данной детерминанте мы отчетливо видим в произведении К. Абрамова «Степан Эрьзя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Степан Эрьзя: Биограф. Роман. Кн. 1 и 2 / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова и Ю. Галкина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. – 528 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 43-320.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 7. – 261 с.